

УДК: 82; 76

ББК: 85.15

DOI: 10.18688/aa2212-04-25

К. Б. Егорова

Петербургское наводнение 1824 года: эсхатологические нарративы и их визуальная репрезентация¹

Наводнение 1824 г. в Санкт-Петербурге стало важной вехой в истории русской культуры. Первые «летописцы» петербургских наводнений (С. И. Аллер [2], В. Н. Берх [7], П. П. Каратыгин [21]) неизменно отмечали, что город страдал от подъёма невских вод каждые 2–3 года, т. е. 1824 г. в климатическом плане не был исключительным, но встраивался в череду наблюдаемых более столетия природных закономерностей; по масштабу разрушительных для города последствий и количеству человеческих жертв наводнение 1824 г., безусловно, было одним из крупнейших в истории наблюдений за петербургской стихией, но всё же не стало уникальным (менее полувека прошло с того момента, как в 1777 г. город потрясло стихийное бедствие, по силе разрушения превосходившее 1824 г.).

И тем не менее именно вокруг наводнения 1824 г. на протяжении столетия формировались петербургские эсхатологические нарративы, связанные с гибелью города от невских вод; наводнение 1824 г., его визуальная и литературная репрезентации, стало частью «петербургского текста», одной из примет которого, по мысли создателя термина В. Н. Топорова, является устойчивый апокалиптический миф о конце любимого детища Петра [27, с. 8–10].

Наводнение 1824 г. выделяется из ряда других городских бедствий, вызванных географическим положением новой столицы, не столько силой природной стихии, сколько культурной эпохой, сформировавшей реакцию русского общества на это событие.

Отклики очевидцев стихийного бедствия не содержали какой-либо ярко выраженной эсхатологической направленности. Первая попытка создать историю наводнения была предпринята Ф. В. Булгариным, опубликовавшим в журнале «Литературные листки» «Письмо к приятелю о наводнении, бывшем в С.-Петербурге 7 ноября 1824 г.» [8, с. 175–177], которое легло в основу последующих историй о наводнении, написанных в 1826 г. С. И. Аллером и В. Н. Берхом.

Граф Д. И. Хвостов посвятил одические строки природной стихии («Послание к N. N. о наводнении Петрополя, бывшем 7 ноября 1824 г.» [20, с. 47]), в которых уже отчётливо видно размытие представлений о жанровой структуре оды, совмещение одического восторга с предромантическим жанром дружеского послания [1, с. 6]. Конечно, с точки

¹ Материал подготовлен при поддержке гранта РНФ № 21-78-10052.

зрения развития русской литературы и её эстетики деятельность графа Хвостова — пример графоманства, И. Ю. Веницкий метко и не без иронии назвал Хвостова «гигантским саморасширяющимся поэтическим пузырьём» [11, с. 56]. Оставляя в стороне литературные качества творчества графа Хвостова, отметим, что его «Послание...» является, по всей видимости, первым поэтическим откликом на петербургское наводнение; оно не содержит какой-либо негативной интерпретации стихийного бедствия, не связывает подъём воды с эсхатологическими ожиданиями (кроме вполне стереотипной связи свирепства волн с мечом Божиим, что в случае графа Хвостова являлось литературным клише). «Послание...» Хвостова, напротив, оптимистично описывает быстрое восстановление города и участие царя в судьбах горожан.

Особая «чувствительность» Александра I, распорядившегося оказать помощь потерпевшим от наводнения,² занимает умы современников намного больше, чем объяснение причин бедствия апокалиптическим сценарием, влекущим гибель столицы. Аллер также отразил бытовавшие в обществе идеи о Государе-заступнике и попечителе: «Великий и милосердный Царь Русский, созерцавший с горестным чувством ужас сего наводнения, явил отечеству попечение и соболезнование об участии пострадавших и сделался их Ангелом Утешителем!» [2, с. 31–32].

Эсхатологические представления о наводнении появились позднее, в 1830-е гг.; они создавались обществом романтической эпохи, пережившим скоропостижную смерть императора, декабрьское восстание и разглагольствовавшим в недавнем природном катаклизме страшное знамение будущих политических потрясений.

Ни одно из наводнений XVIII в. не получило столь богатой художественной обработки, не было удостоено в литературной традиции библейского звания 'попот'. В контексте рефлексии над событиями 1824 г. мифологизировались и получали эсхатологическую трактовку предшествующие петербургские стихийные бедствия. Так, наводнение 1777 г., которое виделось современникам только как физическое разрушение города и его окрестностей (подсчитывались материальные убытки, причинённые водой), получило в середине XIX в. трактовку в духе эпохи романтизма (например, распространилась легенда о смерти княжны Таракановой в результате этого стихийного бедствия, запечатлённая на знаменитой картине К. Д. Флавицкого), и даже эсхатологическое звучание: 1777 г. — год рождения Александра I, ознаменовавшийся природной катастрофой, 1824 г. — последний год жизни императора, также омраченный наводнением, предвестником его скорой кончины.

Мы имеем скудные данные о пророчествах, предвещавших гибель города от невских вод, относящихся к XVIII в. Антрополог и специалист по фольклору А. А. Панченко небезосновательно утверждает, что образ «проклятого Петербурга» не имел отношения к фольклорной традиции [25]. Вероятно, единственный точно известный пророческий сюжет, связанный с гибелью Петербурга, — это знаменитая фраза «Петербургу быть пусто» (существуют разные её варианты). Именно так откликнулся А. С. Пушкин на известие о петербургском наводнении [24, с. 6].

² В ЦГИА СПб сохранились обширные архивные материалы (ф. 187), относящиеся к созданию комитета помощи разорённым от наводнения 7 ноября 1824 г.

Русская и восточноевропейская романтическая традиция представляла собой эклектическое полотно, сотканное из различных культурных и литературных заимствований. На отсутствие общей эстетической программы русского романтизма указала специалист по пушкинской эпохе М. Н. Виролайнен [12, с. 59–64].

Русская романтическая традиция была открытой, подверженной различным европейским культурным влияниям. Истоки формирования эсхатологических трактовок петербургского наводнения 1824 г. и его интерпретации в качества знамения будущей политической нестабильности следует рассматривать во взаимосвязи с европейской романтической традицией.

Представляется, что одним из первых предложил эсхатологическую трактовку сюжета петербургского наводнения Адам Мицкевич в поэме «Дзиады» (в III части поэмы, законченной в 1832 г., содержатся стихотворения «Олешкевич» и «Памятник Петру Великому», оказавшие существенное влияние на сюжет и замысел «Медного всадника»). Художник Олешкевич накануне наводнения произнес пророчество, которое соотносилось с евангельским сюжетом (нечто потрясёт основание ассирийского трона и Вавилон падёт). Однако Апокалипсис, каким он представлен в евангельской традиции, не предполагал нового потопа; вероятно, по этой причине старообрядческая литература о конце света никогда не связывала петербургские наводнения с грядущим Апокалипсисом, ведь Господь заключил с Ноем завет о том, что потоп никогда не повторится и род людской не будет истреблён водой.

Тема завета возникла ещё раз, в 1834 г., когда город готовился к открытию памятника, посвящённого победе русского оружия над Наполеоном — Александровской колонны. В день открытия вода в Неве поднялась, но наводнения не последовало. В. А. Жуковский оставил запись об этом дне, связав возвышающуюся громаду колонны с заветом, который станет городу надёжной защитой: «Было что-то похожее не неизбежность промысла в этой колонне, которая, не будучи ещё открытою, уже стояла на своём месте посреди окружающего её мрака и бури, твёрдая, как тайная воля спасающего Бога, дабы на другой день, под блеском очищенного неба, торжественно явиться символом свершившегося Божия обета» [18, с. 330].

Случайный свидетель петербургского наводнения 1824 г., старообрядец Выговской пустыни, пытался связать виденные им картины со знакомыми представлениями о конце света и предположил, что колыхание вод — это результат падения звезды [26, с. 77–84]. Падение звезды лишь предвещает основной сценарий Апокалипсиса, волнение и поднятие вод не является его финалом.

Гибель Вавилона от наводнения — сюжет, который раскрывается в драме Дж. Г. Байрона «Сарданапал» (1821 г.). Более того, в драме Байрона прописана связь восстания, которое готовилось против Сарданапала, и буйства речных вод; наводнение воспринималось и как знамение, предвестник гибели Сарданапала, и как часть мятежа, бунт природы (возлюбленная Сарданапала гречанка Мирра восклицает: «Даже волны / восстали на тебя!» [3, с. 324], на это Сарданапал спокойно возразил: «Я им не царь...»). Исследователи А. С. Пушкина многократно указывали, что русский поэт видел в этом произведении отражение событий русской истории и, вероятно, отголоском байроновской драмы можно считать мотив бессилия земного царя перед природной стихией, ре-

ализованная в «Медном всаднике» (Александр I в поэме произнес: «С Божией стихией царям не совладать») [23, с. 246]. Байроновское влияние угадывается и в эсхатологической трактовке гибели Петербурга-Вавилона от наводнения, предложенной Мицкевичем. Вероятно, только в контексте байроновской трактовки гибели Вавилона можно рассматривать появление устойчивого нарратива о гибели российской столицы от не-вских вод.

Как уже было отмечено, первая рефлексия над последствиями наводнения 1824 г., неизменно превозносившая заботу Государя о своих подданных, постепенно смещается под воздействием эсхатологической трактовки наводнения, предложенной в 1830-е гг.

Эта трактовка получила новое звучание в конце XIX — начале XX вв., когда были опубликованы мемуары А. П. Беляева [4], Д. И. Завалишина [19], Е. Ф. Комаровского [22], а также вышло в свет первое биографическое сочинение, посвящённое Александру I [28]. В статье «Петербургская легенда о наводнении и миф о “конце Петербурга”» [16] К. В. Душенко предлагает отказаться от поиска какого-либо фольклорного сюжета о гибели города Петра и датировать окончательное формирование мифа о «проклятом Петербурге» началом XX в., временем создания Д. С. Мережковским романа «Антихрист. Петр и Алексей».

Размышления о причинах и последствиях петербургского наводнения 1824 г., запечатлённые в записках и мемуарах, отражают широкий спектр социальных паник декабристской поры.

Одна из наиболее продуктивных устойчивых объяснительных моделей, реализующихся в такого рода текстах, — наводнение как страшное знамение, предвещающее близкую кончину императора и возможную смену государственной власти. Об этом, в частности, упоминает сосланный на каторжные работы в Сибирь Д. И. Завалишин: «На другой день пожелал видеть нас Государь и поблагодарить (*Завалишин участвовал в спасении жертв наводнения. — К. Е.*). Он был в самом тревожном расположении духа. Он ломал себе руки, видя своё бессилие и под впечатлением мрачной приметы или воображаемого предзнаменования. Предшествовавшее большое же наводнение было в год его рождения (*в сентябре 1777 г. — К. Е.*) и говорили, что такое же будет в год его смерти» [19, с. 84]. Эта мысль о связи двух крупных петербургских наводнений в биографии Александра I реализовалась и в городском анекдоте, записанном П. П. Каратыгиным (он опубликовал свои заметки о наводнениях в Петербурге значительно позднее Аллера и Берха, а потому собрал большую коллекцию городских легенд и слухов).

В частности, Каратыгин записал две легенды, героями которых были спящие в люльке дети. Первая легенда аллегорически связывает рождение и смерть, отсылает к мотиву о том, что следующее за 1777 г. крупное наводнение будет предвестником скорой кончины императора: «Сохранилось предание, будто мимо дворца неслись по волнам колыбель с плачущим младенцем и гроб (быть может пустой). Это было как бы напоминанием императору о таинственной, пророческой связи наводнений с его рождением и кончиною» [21, с. 49]. Вторая легенда повествует о том, что на чердаке плавающего дома спокойно спали в люльке два младенца, чудом спасшиеся от волн и найденные невредимыми [21, с. 49]. Сам коллекционер городских анекдотов, Каратыгин, выразил сомнение в правдоподобности обеих историй и отметил, что легенды о младенцах «тро-

гательны, но неправдоподобны» [21, с. 49]. Спустя полвека городские чудеса, связанные с наводнением, воспринимались как занимательные небывлицы.

История с младенцем, плывущим в люльке по волнам и чудом спасающимся от утопления, имеет серьезную традицию, выраженную, прежде всего, в европейской иконографии, связанной с изображением наводнения св. Елизаветы, которое случилось 19 ноября 1421 г. Вероятно, русские варианты данного сюжета (ребёнок был найден спящим в колыбели, ребёнок плавал по Неве в колыбели) следует рассматривать во взаимосвязи со знаменитой голландской легендой о том, как спящий в люльке младенец был чудесно спасён от наводнения св. Елизаветы (известна под названием «Легенда о спасении Беатрис»). В русской традиции сохранились только письменные упоминания о бытовании такого образа в городской среде; европейская традиция предлагает широкий визуальный ряд, связанный с сюжетом о спасении младенца (иллюстрации к этой легенде создавались также не синхронно, она разрабатывалась на протяжении XIX в.): картины Лоуренса Альма-Тадема «Наводнение в Бисбосе в 1421 г.», Джона Эверетт Милле «Наводнение» и др. Одним из первых аллегорически разработал сюжет наводнений в Голландии мастер офорта конца XVII в. Ян Лейкен; гравюра «Наводнение в Кронингеме» (1698) сохраняет традицию изображения библейского потопа как хаоса из тонущих людей и животных, помещает вид тонущего города на задний план и ребёнка, спокойно плывущего в люльке, на передний план картины.

Один из первых биографов императора Н. К. Шильдер [28] предложил дополнительные трактовки наводнения 1824 г. с учётом изданных в конце XIX в. мемуаров и дневников (в частности, записок А. Х. Бенкендорфа) [5]. Шильдер предложил рассматривать наводнение как наказание: за грехи, известные одному Александру I (это актуализирует слухи о возможной причастности императора к убийству Павла I), или за неоднозначную позицию империи по греческому вопросу (с одной стороны, осуждение восставших против законной власти, с другой, сочувствие православному населению Османской империи): «Среди народа распространились толки, что наводнение служит знаком гнева Божия за неподание Россиию помощи единоверным с нами грекам» [28, с. 328].

Рассмотрение наводнения в качестве небесной кары за отцеубийство логически связано с оценкой дальнейших действий Александра I по организации Комитетом помощи пострадавшим. Столь рьяное участие императора воспринималось как возможное стремление искупить грех, а не свидетельство о милосердии и заботе о подданных, т. е. входит в конфронтацию с уже устоявшимся в обществе представлением о Государе-Ангеле. Линия искупления тайного греха имела продолжение в конспирологическом сюжете, сложившемся сразу после смерти Александра I, — легенде о старце Федоре Кузьмиче, в котором видели императора, инсценировавшего свою смерть и совершившего духовный подвиг для искупления неназванного греха.

Визуальная история петербургского наводнения писалась не современниками и очевидцами событий (основной фонд визуальной репрезентации петербургских наводнений складывался как иллюстративный материал к «Медному всаднику»); нам известны только две работы, выполненные непосредственно под впечатлением от наводнения: работа первого мастера русской ведуты Ф. Я. Алексеева (1753–1824) «Наводнение 7 ноября 1824 года на площади у Большого Каменного театра» (написана за

несколько дней до смерти художника, ошибочно приписывается А. А. Алексееву) и картина (эскиз) В. К. Шебуева (1777–1855) «Наводнение 7-го ноября 1824 г.», датированное 1839 г. [9, с. 96].

Визуальная разработка сюжета о петербургском наводнении в этих работах имеет западноевропейские источники: 1. Традиция изображения Всемирного потопа; 2. Переработка сцен из гравюр Библии Пискатора (И. Э. Грабарь назвал её «настойной книгой русских иконописцев» [14, с. 519], поскольку влияние её на русскую иконописную традицию сложно переоценить [13; 15; 10]) и Евангелия Иеронима Наталиса; 3. Английская традиция изображения гибнущих парусных кораблей во время бури (например, во время Великого шторма 1703 г.).

Вид наводнения 1824 г., каким он представлен на эскизе В. К. Шебуева «Наводнение 7-го ноября 1824 г.» (полотно считается незаконченным), стало впоследствии основой для создания гравюр (например, широко известна гравюра С. Ф. Галактионова, который доработал композицию Шебуева, добавив тонущий на заднем плане парусный корабль; так часто изображали наводнения в английской рисовальной традиции). Эскиз Шебуева композиционно и сюжетно соотносится с некоторыми листами из Евангелия Иеронима Наталиса. Это гравированное издание, наряду с Библией Пискатора, было хорошо знакомо выпускникам Академии Художеств, визуальные трактовки многих библейских сюжетов, композиционные схемы заимствовались из Евангелия Иеронима Наталиса.

Шебуев обратился к сюжету, который отражён во многих мемуарных источниках, — спасение утопающих, которое возглавил А. Х. Бенкендорф. Сам Бенкендорф в мемуарах подробно описал день наводнения и свою роль в спасении жертв: «По улицам гуляли лишь волны и ветер, горожане полностью их покинули и молили Бога о защите. <...> В этот момент я вошёл в комнату, где Император с болью смотрел на стихию, угрожавшую его столице. <...> Изю всех сил я побежал по огромным залам, кубарем скатился по парадной лестнице, подбежал к причалу и был возмущён тем, что офицер, действительно очень молодой, и матросы колебались броситься в воду. Я вышел вперед, сказав им, что на них смотрит Император. Все последовали за мной, вода была нам по плечи, когда мы достигли шлюпки, бившейся о парапет набережной» [6, с. 314].

Именно этот момент запечатлён на полотне Шебуева. Сюжет произведения мог быть подчеркнут автором из устных рассказов, которые разносили молву о героической роли Бенкендорфа, бросившегося спасать утопающих на глазах у императора (этот сюжет был, вероятно, очень известен, его воспроизводят Завалишин, Каратыгин, Шильдер; несколько поэтических строк о генералах, спасавших тонущий народ, есть и в «Медном всаднике»). Композиция картины «Наводнение 7-го ноября 1824 г.» имеет прототип среди гравюр Евангелия Иеронима Наталиса; можно предположить, что русский художник должен был обратиться к европейской традиции Всемирного потопа для того, чтобы запечатлеть страшные картины увиденного на Неве в тот ноябрьский день. Однако у очевидцев событий, как это было показано в данной статье, не было устойчивой связи между петербургской стихией и библейским потопом, эти коннотации возникли позже, когда наводнение 1824 г. стало обрастать эсхатологическими трактовками.

Шебуев обратился к другим известным композициям из Евангелия Иеронима Наталиса, связанным с изображением воды и корабля. Источником могла служить гравюра

«Воскресенье 4-е после Богоявления. Иисус успокаивает бурю» [17, с. 51]. В центре обеих композиций — лодка, наполненная людьми, на корме — спаситель (в Евангелии — Иисус, успокаивающий бурю; у Шебуева и Галактионова — Бенкендорф, спасающий утопающих), вокруг бушуют волны, на заднем плане — очертания города, охваченного природной стихией.

Таким образом, визуальная история петербургского наводнения может быть рассмотрена только в связи и в контексте европейской истории живописи, в соотношении с известными композициями и сюжетами. Эсхатологический нарратив о гибели творения Петра, нового Вавилона, от невских вод следует рассматривать не в евангельской традиции описания грядущего Апокалипсиса, а через призму байроновского сюжета о последнем ассирийском царе Сарданапале, который, очевидно, повлиял на замысел 3 части «Дэиатов» Мицкевича, впервые предложившего апокалиптическую трактовку регулярным петербургским природным катаклизмам.

Литература

1. *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII вв. — СПб.: Наука, 2005. — 368 с.
2. *Аллер С. И.* Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 7 числа Ноября 1824 года. — СПб.: Тип. департамента народного просвещения, 1826. — 239 с.
3. *Байрон Дж. Г.* Собрание сочинений: в 4 тт. — М.: Правда, 1981. Т. 4. — 378 с.
4. *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом: 1805–1850. — СПб.: А. С. Суворин, 1882. — 507 с.
5. *Бенкендорф А. Х.* Из записок А. Х. Бенкендорфа / Сообщ. Н. К. Шильдер // Русская старина. — 1896. — № 10. — Т. 88. — С. 65–96.
6. *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания. 1802–1837. — М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 2012. — 760 с.
7. *Берх В. Н.* Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге. — СПб.: в Морской типографии, 1826. — 86 с.
8. *Булгарин Ф. В.* Письмо к приятелю о наводнении, бывшем в С.-Петербурге 7 ноября 1824 г. // Литературные листки. — 1824. — Ч. 4. Ноябрь. — № 21–22. — С. 65–81; Дек. № 23–24. — С. 175–177.
9. *Бутромеев В.* Эпоха становления русской живописи. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. — 445 с.
10. *Васильева Л. Н.* Книжная гравюра в изданиях кириллической печати Московской синодальной типографии XVIII–XIX веков: дисс... к. иск. — СПб., 2004.
11. *Виницкий И. Ю.* Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. — М.: НЛО, 2017. — 349 с.
12. *Виротайнен М. Н.* Русский романтизм в проекции на европейскую романтическую литературу // Мир русского слова. — 2015. — № 4. — С. 59–64.
13. *Гамлицкий А. В.* Россия и Европа XVII века в зеркале гравюры. Лица, связи, влияния // Библия Пискатора — настольная книга русских иконописцев. М.: Третьяковская галерея, 2019. — С. 13–26.
14. *Грбарь И. Э.* История русского искусства. Т. 6. — М.: И. Кнебель, 1913. — 465 с.
15. *Давыдова И. Л.* Россия XVII века: культура и искусство в эпоху перемен: дисс... д-ра иск. — М., 2005.
16. *Душенко К. В.* Петербургская легенда о наводнении и миф о «конце Петербурга» // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 5, № 2. — С. 34–54.
17. Евангелие Иеронима Наталиса / Каталог выставки. — М.: Третьяковская галерея, 2019. — 127 с.
18. *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 тт. Т. 11, первый полутом. Проза 1810–1840-х гг. — М.: Языки славянских культур, 2016. — 345 с.
19. *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. — СПб.: Тип. Т-ва М. О. Вольф, 1910. — 464 с.
20. Избранные сочинения графа Хвостова. — М.: Библиотека Графомана, 1997. — 97 с.
21. *Каратыгин П. П.* Летопись петербургских наводнений 1703–1879 гг. — СПб., 1889. — 356 с.
22. *Комаровский Е. Ф.* Записки Графа Е. Ф. Комаровского. — СПб., 1914. — 279 с.

23. *Немировский И.* Пушкин — либертен и пророк: опыт реконструкции публичной биографии. — М.: НЛЮ, 2018. — 348 с.
24. *Осват А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальну повесть сохранить...»: об авторе и читателях «Медного всадника». — М.: Книга, 1985. — 348 с.
25. *Панченко А. А.* Петербург как столица скопцов // Отечественные записки. 2004. № 2. URL: <https://strana-oz.ru/2004/2/peterburg-kak-stolica-skopcov> (дата обращения: 07.04.2022)
26. *Пигин А. В.* Петр I и Петербург в сочинениях писателей-старообрядцев Выговской поморской пустыни // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2019. — № 6 (183). — С. 77–84.
27. *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. — СПб.: Искусство-СПб., 2003. — 612 с.
28. *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 тт. — СПб.: Издание А. С. Суворина, 1898. Т. 4. — 648 с.

Название статьи. Петербургское наводнение 1824 года: эсхатологические нарративы и их визуальная репрезентация

Сведения об авторе. Егорова, Ксения Борисовна — кандидат филологических наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. k.b.egorova@spbu.ru ORCID: 0000-0002-4050-6888

Аннотация. В статье рассматривается формирование эсхатологических нарративов вокруг петербургского наводнения 1824 г. На литературном и изобразительном материале показано, как эсхатологические сюжеты создавались в русской культуре под влиянием европейской традиции. Выдвигается гипотеза о том, что визуальная история петербургского наводнения может быть рассмотрена только в связи и в контексте европейской истории живописи, в соотнесении с известными композициями и сюжетами. Эсхатологический нарратив о гибели творения Петра, нового Вавилона, от невыходящих вод следует рассматривать не в евангельской традиции грядущего Апокалипсиса, а через призму байроновского сюжета о последнем ассирийском царе Сарданапале, который, очевидно, повлиял на замысел третьей части «Дзиадов» Мицкевича, впервые предложившего апокалиптическую трактовку регулярным петербургским природным катаклизмам.

Ключевые слова: русская литература, эсхатология, изображение наводнений, Всемирный потоп, Апокалипсис, Мицкевич, Медный всадник, графика, Академия художеств

Title. Petersburg Flood of 1824: Eschatological Narratives and Their Visual Representation³

Author. Egorova, Kseniya B. — Ph. D., associate professor. Saint-Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034. k.b.egorova@spbu.ru ORCID: 0000-0002-4050-6888

Abstract. The article deals with the formation of eschatological narratives around the St. Petersburg flood of 1824. The literary and visual material shows how eschatological plots were created in Russian culture under the influence of the European tradition. A hypothesis is put forward that the visual history of the St. Petersburg flood can only be considered in connection with and in the context of the European history of painting, in relation to well-known compositions and plots. The eschatological narrative about the death of Peter's creation, the new Babylon, from the Neva waters should be considered not in the gospel tradition of the coming Apocalypse, but through the prism of Byron's story about the last Assyrian king Sardanapal, which, obviously, influenced the idea of the 3rd part of Mickiewicz's *Dziady*, who first proposed the apocalyptic interpretation of regular St. Petersburg natural disasters.

Keywords: Russian literature, eschatology, depiction of floods, the Flood, the Apocalypse, Mickiewicz, The Bronze Horseman, graphics, Academy of Arts

References

Alekseeva N. Yu. *Russkaia oda: razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vv. (Russian Oda: Development of the Oda Form in the 17th–18th Centuries)*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 368 p. (in Russian).

Aller S. I. *Opisanie navodneniia, byvshego v Sankt-Peterburge 7 chisla Noiabria 1824 goda (Description of the Flood that Was in St. Petersburg on November 7, 1824)*. St. Petersburg, Tipografiia departamenta narodnogo prosveshcheniia Publ., 1826. 239 p. (in Russian).

³ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project number 21-78-10052.

- Belyaev A. P. *Vospominaniia dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom: 1805–1850 (Memoirs of a Decembrist about What He Experienced and Felt: 1805–1850)*. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1882. 507 p. (in Russian).
- Benkendorf A. H. From the Notes of A. Kh. Benckendorff. *Russkaia starina (Russian Antiquity)*, 1896, iss. 10, vol. 88, pp. 65–96 (in Russian).
- Benkendorf A. H. *Vospominaniia. 1802–1837 (Memories. 1802–1837)*. Moscow, Rossiiskii fond kul'tury Publ., 2012. 760 p. (in Russian).
- Berkh V. N. *Podrobnoe istoricheskoe izvestie o vsekh navodneniakh, byvshikh v Sanktpeterburge (Detailed History of All the Floods that Were in St. Petersburg)*. St. Petersburg, V Morskoi tipografii Publ., 1826. 86 p. (in Russian).
- Bulgarin F. V. Letter to a Friend about the Flood, Which Was in St. Petersburg on November 7, 1824. *Literaturnye Listki (Literary Sheets)*, 1824, part 4, no. 21–22, pp. 65–81 (in Russian).
- Butromeev V. *Epokha stanovleniia russkoi zhivopisi (The Era of the Formation of Russian Painting)*. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2014. 445 p. (in Russian).
- Byron G. G. *Sobranie sochinenii (Collected Works)*, vol. 4. Moscow, Pravda Publ., 1981. 378 p. (in Russian).
- Dushenko K. V. St. Petersburg Legend of the Flood and the Myth of the “End of St. Petersburg”. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 34–54 (in Russian).
- Evangelie Ieronima Natalisa. Katalog vystavki (Gospel of Jerome Natalis. Exhibition Catalogue)*. Moscow, The Tretyakov gallery Publ., 2019. 127 p. (in Russian).
- Gamlitskii A. V. Russia and Europe of the 17th Century in the Mirror of an Engraving. Faces, Connections, Influences. *Bibliia Piskatora — nastol'naiia kniga russkikh ikonopistsev (Piscator's Bible — A Handbook of Russian Icon Painters)*. Moscow, The Tretyakov gallery Publ., 2019, pp. 13–26 (in Russian).
- Grabar' I. E. *Istoriia russkogo iskusstva (The History of Russian Art)*, vol. 6. Moscow, I. Knebel' Publ., 1913. 465 p. (in Russian).
- Izbrannye sochineniia grafa Hvastova (Selected Works of Count Khvostov)*. Moscow, Biblioteka Grafomana Publ., 1997. 97 p. (in Russian).
- Karatygin P. P. *Letopis' peterburgskikh navodnenii 1703–1879 gg. (Chronicle of the Petersburg Floods of 1703–1879)*. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1889. 87 p. (in Russian).
- Komarovskii E. F. *Zapiski Grafa E. F. Komarovskogo (Notes of Count E. F. Komarovsky)*. St. Petersburg, Ogni Publ., 1914. 279 p. (in Russian).
- Nemirovskii I. *Pushkin — liberten i prorok: opyt rekonstrukcii publichnoy biografii (Pushkin as a Libertine and a Prophet: An Experience in the Reconstruction of a Public Biography)*. Moscow, NLO Publ., 2018. 348 p. (in Russian).
- Ospovat A. L.; Timenchik R. D. *'Pechal'nu povest' sohranit'...: ob avtore i chitatel'nykh Mednogo vsadnika ("It Is Sad to Keep the Story...": About the Author and Readers of The Bronze Horseman)*. Moscow, Kniga Publ., 1985. 348 p. (in Russian).
- Panchenko A. A. Petersburg as the Capital of 'Skopets'. *Otechestvennye zapiski (Fatherland Notes)*, 2004, no. 2. Available at: <https://strana-oz.ru/2004/2/peterburg-kak-stolica-skopcov> (accessed 2 May 2021) (in Russian).
- Pigin A. V. Peter the Great and St Petersburg in the Works of the Old Believer Writers of the Vyg Community. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Notes of Petrozavodsk State University)*, 2019, no. 6 (183), pp. 77–84 (in Russian).
- Shil'der N. K. *Imperator Aleksandr Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie (Emperor Alexander the First. His Life and Reign)*, vol. 4. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1898. 648 p. (in Russian).
- Toporov V. N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury (Petersburg Text of Russian Literature)*. St. Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 2003. 612 p. (in Russian).
- Vinit'skii I. Yu. *Graf Sardinskii: Dmitrii Khvostov i russkaia kul'tura (Graf Sardinskii: Dmitry Khvostov and Russian Culture)*. Moscow, NLO Publ., 2017. 349 p. (in Russian).
- Virolainen M. N. Russian Romanticism in the Projection on European Romantic Literature. *Mir russkogo slova (The World of Russian Word)*, 2015, no. 4, pp. 59–64 (in Russian).
- Zavalishin D. I. *Zapiski dekabrista (Notes of the Decembrist)*. St. Petersburg, Tipografiia Tovarishstva M. O. Volf Publ., 1910. 464 p. (in Russian).
- Zhukovskii V. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem (Complete Works and Letters)*, vol. 11. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2016. 345 p. (in Russian).